

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

пояснил им обоим. Я сказал Катрин: вся ваша история в этом взгляде. Она ответила: «Как у Хичкока»... Был вторник, мы опять задержались на два часа. А разве можно было поступить иначе? Олег в среду улетал в Москву, где вечером должен был играть в театре. Надо было любой ценой снять все во вторник. В конце смены мы сняли двумя камерами обмен взглядами Сандрин и Олега. Получилось превосходно. Напряженность, ощущение присутствия, волнение, свет... Так, что забываешь все остальное.

Вторник 24 ноября. У нас трудная неделя. Я работаю спал эту ночь. Все те же заботы о графике работы, о нарушении сроков, все те же проблемы с декорациями, администрацией... Я вчера сказал Катрин Денев, что если режиссер и бывает иногда счастливым, то лишь между командой «Мотор» и «Стоп». Она смеется. Я напоминаю размышление одного моего приятеля: «Это даже больше, чем быть счастливым». Она отвечает: «Это так. Но какая же существует все-таки диспропорция между нехваткой счастья, страхом, бдительностью, беспокойством и постоянным неистовством». Может быть, эти минуты слабости, огорчений и сомнений объясняют трудным характером снимаемых сцен: Саши после попытки самоубийства, с ла-

тому же мы приступаем к работе в холоде, на снегу, в короткие дни. На натуре можно снимать с 8.30 до 15.30. Не более. Я не знаю, куда мы идем. В группе опять споры. Надо ли нажать и закончить любой ценой после 25-го? Надо ли вернуться к Рождеству во Францию, чтобы приехать снова в Софию после праздников? Это дорогостоящее решение. У производственной части другие опасения (особенно после многочисленных краж, жертвами которых мы были) — где оставить аппаратуру на время нашего отсутствия? Это напоминает мне психоз в конце съемок «Индокитая»... В общем, нарушение графика и приближающееся Рождество, естественно, порождает напряжение в группе. Мне только этого не хватало!

Субота 5 декабря. Мы приступаем к последней сцене с Катрин. Завтра она уезжает. На этой неделе мы снимали важную сцену — но они все важные! — в здании нынешнего парламента. Мы превратили зал собраний этого странного дворца конгрессов Софии в киевский театр. Это здесь Мари встречается с Габриеллой, звездой ТНП, во время спектакля «Мария Тюдор» и намерена попросить помощи для бегства из СССР. Катрин на театральной сцене, она, которая всегда отказывалась выходить на сцену!

Я знаю, это ее позабавит, возбудит и немного напугает. Единственный раз, когда она играла в пьесе, был в фильме «Последнее метро». Тогда Депардьё говорил ей: «Ты так красива, что смотреть на тебя — страдание». А она ему отвечала: «Вчера ты говорил, что это радость». В ответ Жерар произносил: «Это радость. И страдание». У Катрин странное отношение к театру. Разумеется, она не раз получала предложения играть в пьесах, но всякий раз отказывалась... Ей либо вообще не хочется играть на сцене, либо ее страх сильнее желания. Хотя она и не говорила, но я знаю — это страх. Я тоже никогда не ставил спектакли на сцене, а надо бы этим заняться.

Иду к Катрин. Она в городской одежде, но на голове яркий рыжий парик Марии Тюдор. Я говорю ей, что мы вдохновлены опытом театра ТНП в эпоху Жана Вилара: минимальные декорации, три аксессуара, несколько знамен, свет, темнота, музыка и, разумеется, великие актеры, производящие великие тексты. Объясняю ей, о чем думал. Похоже, она напугана. «О, ля-ля! Значит, придется двигаться... Не покажете ли вы мне все это наверху?» И вот мы под руку направляемся в большой зал парламента. Войдя, она видит в партере человек триста массовки. Мне кажется, ей становится нехорошо. Опять повторяет: «О, ля-ля!» Поднимаемся на сцену, и я ей поясню: «Вы начинаете со спины, чтобы произвести впечатление, и это также манера Габриеллы общаться с людьми». Обычно в работе с Катрин, когда я делаю предложение, она реагирует, вмешивается, если надо — поправляет. Мы обсуждаем, и это настоящий диалог доверия. Но тут меня тронуло, что она безропотно сделала то, что я хотел, хотя и не был во всем уверен. Она пошла одеться. Была великолепна в платье Марии Тюдор...

Внезапно мне кажется, что я не снимаю наш фильм, а делаю картину об елизаветинской эпохе. Слово власть приметывает нашего мира. Репетируем. Раз, два, три раза. Катрин пользуется каждой паузой, чтобы выпить кофе и выкурить длинную тонкую сигарету. Я чувствую облегчение. Голос ее становится все более уверенным. Снимаем. Второй дубль отличный... третий еще лучше... Затем снимаем Мари на спектакле. Мари находится в речи королевы о мужчинах, их тайнах, предательстве в любви и склонности к двойной игре многое, что отвечает тому, что она сама переживает...

Воскресенье 6 декабря. В четверг мы снимали в оперном театре Софии, и я очень мучился. Была ли это усталость? Не разыгрались ли нервы? Не из-за приближающегося ли Рождества? Идет

подготовка к возвращению части группы в Париж. Пока готовили сцену, одна из моих сотрудниц пояснила, что те, кто проведет праздники на съемке, считают себя жертвами... За последние дни малейшее противоядие моей воле приводит к тому, что я замыкаюсь. Я сижу в уголке, читаю написанные слова и не могу сосредоточиться. Так что, когда ко мне снова приходят поговорить о Париже, Рождестве и возвращении, я сначала стараюсь сдержаться, но потом не выдерживаю и взрываюсь: «Я не желаю слышать разговоров об этом теперь, когда не готова декорация, в которой все равно надо снимать, а я не знаю, как это буду делать! Вы устали? Я тоже». И не раздумывая, ухожу. Было 10.30. Я не хотел, чтобы меня нашли и спрятались в женском туалете на этом же этаже; там, конечно, был кран, из которого текла вода — половина кранов в Болгарии текут! Я был как маленький мальчик, которого обидели. Я физически был не способен выйти из своего укрытия. Если бы я был ребенком, я бы заплакал. Я с четверть часа постоял так, опершись о стену, повторяя: «Я сниму, когда успокоюсь». Трудно заниматься режиссурой. Трудно быть режиссером.

Пятница 18 декабря. Вчера, в четверг, был опять «трудный» день. Надо было отснять очень важную сцену, когда после шести лет лагеря Мари освобождает. Она происходит не по выходе из лагеря, а после, когда Мари приезжает из Сибири, в десяти километрах от Киева. На это предусмотрено целый съемочный день. Мне же известно, что достаточно и половины дня, ибо хочу отснять всю сцену одним куском. Я чувствую, что Сандрин полностью вошла в свою роль. Во время репетиции происходит нечто необыкновенное, что связывает нас с тем, что мы собираемся снять. В какой-то момент я ищу глазами Сандрин и не нахожу ее. Только когда была расставлена массовка, я, наконец, обнаружил ее. Она стояла в пяти метрах от меня! Оказывается, я прежде не узнал ее. В своей косынке, измятой куртке, бесформенной юбке ее не отличишь от остальных освобожденных заключенных. Перед этим, когда я зашел посмотреть ее грим, я увидел, что она собрана. Она уже была на съемке. И в то же время, как актрисе, как женщине, ей не просто было увидеть себя постаревшей, измученной и усталой. Это delicate минуты, и я тихо удалился.

План ее встречи с Алексеем и сыном Сереей у меня запечатлелся в голове уже при написании сценария. Единственный план, который я знал, как буду снимать, даже не видя декорацию. Я чувствую, что все взволнованы. Когда имеется такой план, столь важный для всей сцены, для ее эмоционального характера и всего сюжета, это создает атмосферу прекрасного напряжения на съемке, прекрасного единения в работе.

До начала съемки мы договорились с Сандрин, что надо играть не на патетике, а думать о чувстве облегчения на свободе, о волнении, связанном со встречей. На съемочной площадке я ей сказал: «Быть может, ты просто выплакала все слезы после шести лет суровых испытаний». Она сказала, что не знает, сыграет ли это или, напротив, нахлынувшее лихорадочное волнение, эмоции. Я ответил: «Послушай, сыграй то и другое, а там увидим». Начинаем.

Один дубль, второй. Второй прекрасный. И третий тоже. И четвертый. Каждый раз она действует в одном направлении, но идет немного дальше в раскрытии своих чувств. Снимаемый с краем, этот план сложен и заканчивается объятиями трех героев — Мари, Алексея и Сереей. В сценарии написано: «В этот момент они выглядят одним целым в своей нежности и волнении». Мы решаем с оператором, что жаль

Режис Варнье и Жоэль Шапрон

было бы не снять их ближе. Пока камера режет их по пояс. Решаем сделать более плотный кадр, снимая камерой с плеча, чтобы придать сцене больше жизни и энергии. И тут Сандрин говорит: «Я — пустая». Четыре предшествующих дубля «обесточили» ее.

И все-таки прошу ее, хотя понимаю ее состояние. Даю ей время подумать. Она говорит: «Что мне делать?». Ведь мы снимаем не вспомогательный дубль, в котором ничего особенного не происходит. Сам не знаю, чем ей помочь. И тогда доверчиво и дружески она идет ко мне, берет за руку и отводит в сторону. Она хочет, чтобы я объяснил ей, чего добиваюсь, чтобы сказал нужные слова, объяснил чувства, которые могли бы ей помочь. Я иду и говорю: «Послушай, в лагере есть что-то животное, дикое. Посмотри как следует в глаза Алексея и Сереей. Они видят тебя такой, какая ты есть — личность, матерью, женщиной. Они возвращают тебе ощущение человечности. Отсюда твое волнение». Но это лишь слова, я вижу, как она, выслушав их, помещает в себя, и это отражается в ее глазах. Она говорит: «В таком случае проди немного план, оставь подольше за кадром Олега и Эрвана (фамилия мальчика, игравшего Сереей), поставь их по обе стороны камеры, чтобы я это увидела в их взглядах». Я поясняю им это и говорю: «Мы не можем ей в этом отказать».

Режис Варнье и Татьяна Догилева

Снимаем. Мотор! Прежде, чем Олег и Эрван подходят к ней, я прошу их на десяток секунд замереть и переглянуться. На лице Сандрин видно волнение. Прекрасное волнение, именно то, что я задумывал. После этой сцены я вижу, что вся группа испытывает радость и волнение. Радость — из-за прожитого вместе сильного и яркого момента, радости, что провели на холоде три часа ради чего-то сильного и напряженного. Во время обеда многие подходят ко мне, чтобы сказать это: «Прекрасный был план».

Вторник 22 декабря. В Софии идет снег. Четверть группы уезжает завтра. Большинство из них не вернется. Мне даже не удается подумать о Рождестве...

Сандрин Боннер

доньями в умывальнике, с кровью повсюду. Не этим ли объясняется мое стрессовое состояние?

Четверг 26 ноября. Вчера у меня на съемке были Сандрин, Катрин и Олег. Три больших артиста, каждый из которых занимает свое место в искусстве — я больше всего ценю в них именно это. Каждый из них ждет от меня внимания, взгляда, присутствия... Я знаю, как мне с ними поступить в этой сцене, но не знаю, хорошо ли все продумал. Правильно ли я решил эту сцену, так ли, как она была задумана?...

Мы снимали момент, когда Мари приходит поздравить Габриеллу и поговорить о своей ситуации. В этот момент к ней присоединяются Алексей и советник посольства. Декорация малюсенькой, в глубине коридора, артистической. Этот день, вопреки моей воле, был полон напряжения. Мы немного выбились из графика, а я это не люблю. Сандрин и Катрин тоже. Нет возможности проявить всю энергию, поздно, можно прочесть усталость на лицах актеров и актрис. Катрин выглядит классно. Она осталась в костюме Марии Тюдор, чтобы подавать реплики Юберу. Актеры ведут себя прекрасно. Я же сомневаюсь: «Правильно ли я работал? Не будет ли мне недоставать планов? Хорошо ли я сделал раскадровку сцены?». Поскольку сцена должна сказать нечто конкретное, я и задаюсь вопросом, выполняют ли эту задачу снятые планы? Не будет ли чего-то недоставать? Быть может, это и называется усталостью. Но если сцены управляются уравнением, то нынешнее уравнение — самое трудное, ибо на съемке было слишком много незнакомых людей.

Воскресенье 29 ноября. ...По графику мы должны закончить съемки 21 декабря. Уже ясно, что нам будет не хватать четырех-пяти съемочных дней. К